

ЭПОХИ И СТИЛИ

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе я стремлюсь дать некоторые обобщения для построения будущей теоретической истории русской литературы X—XVII вв.

Термин «теоретическая история» может вызвать возражения. Могут предположить, что все остальные истории литератур тем самым как бы объявляются «нетеоретическими». Поэтому мне нужно определить свое отношение к традиционным историям различных литератур.

Само собой разумеется, что не может быть истории литературы без теоретических обобщений. Даже само отсутствие обобщений есть в каком-то отношении обобщение — выражение своего отношения к литературному процессу. Обобщением являются и периодизация, и расположение материала по главам, и отнесение произведений к тому или иному периоду или жанру, и последовательность расположения материала, и самый отбор материала (авторов, произведений и пр.), и многое другое, без чего невозможны любые курсы, учебники и истории литератур. Однако изложение авторами своего понимания процесса развития или просто течения литературы соединяется в традиционных историях литератур с пересказом общеизвестного фактического материала, с сообщением элементарных сведений, касающихся авторов и их произведений. Такое соединение того и другого нужно в учебных целях, нужно в целях популяризации литературы и литературоведения, нужно для тех, кто хотел бы пополнить свои знания, понять авторов и произведения в исторической перспективе. Традиционные истории литературы необходимы и всегда останутся необходимыми.

Цель теоретической истории другая. У читателя предполагается некоторый необходимый минимум знаний, сведений и некоторая начитанность в древней русской литературе. Исследуется лишь характер процесса, его движущие силы, причины возникновения тех или иных явлений, особенности историко-литературно-

го движения данной страны сравнительно с движением других литератур.

Все семь веков древней русской литературы долгое время представлялись в слабо расчлененном виде. Хронология многих произведений не была установлена, особенности отдельных периодов не были выявлены. Поэтому очень часто древнерусские литературные произведения охотнее рассматривались в общих курсах древней русской литературы по жанрам, чем в хронологическом порядке.

Решительный переход к историческому рассмотрению древней русской литературы стал возможен тогда, когда успехи в изучении истории русского летописания позволили уточнить не только датировки летописей и летописных сводов, но и хронологию заключенных в них многих и многих литературных произведений. История летописания расставила отчетливые хронологические вехи.

Вот почему инициатива В. П. Адриановой-Перетц, широко включившей в историю русской литературы XI—XVII вв. русское летописание, оказалась очень плодотворной для исторического рассмотрения всего обширного семивекового литературного материала. Первые тома тринадцатитомной «Истории русской литературы», выпущенные в 1940—1948 гг., и их своеобразный предварительный конспект в первом томе учебника по истории русской литературы под общей редакцией В. А. Десницкого (М., 1941) (оба этих издания одушевлялись теоретической мыслью В. П. Адриановой-Перетц) были, по существу, первыми историями русской литературы, в которых исторический принцип оказался проведен последовательно и глубоко.

Почему же необходимо возвращаться к вопросу об историческом смысле отдельных эпох в истории русской литературы X—XVII вв.?

Как это ни странно, в истории русской литературы XI—XVII вв. яснее предстают перед нами отличия друг от друга мелких периодов, чем своеобразие и значение целых эпох. Так, например, относительно отчетливо выступают перед нами особенности XII — первой четверти XIII в. сравнительно с особенностями литературы Киевской Руси — XI в.; особенности второй половины XVI в. сравнительно с первой; особенности отдельных десятилетий XVII в., и т. д. В целом понятен и смысл перемен, происходивших в пределах десятилетий и полувеков, но характер и смысл литературных явлений, присущих более крупным периодам, выявлен гораздо менее отчетливо, и значение этих периодов не уточнено. Не случайно, что в отношении их приняты обычно не литературные характеристики, а чисто исторические.

Подходы к определению изменений в пределах десятилетий и в пределах нескольких веков принципиально различны. В первом случае на передний план выступает зависимость историко-литературных изменений от исторических событий, во втором — зависимость литературы от особенностей исторического развития в целом. Для определения первых различий необходимо наблюдение над единичными явлениями литературы, для определения вторых — широкие обобщения огромного материала и суммирование их в характеристиках эпох, основанных в значительной мере на чувстве стиля — стиля эпохи. Как бы ни были трудны определения эпох сравнительно с определением коротких периодов, их необходимо сделать даже и для того, чтобы выяснить исторический смысл изменений на коротких дистанциях.

В данной работе рассматривается историко-литературный смысл четырех эпох в их целом: эпохи стиля монументального историзма (X—XIII вв.), Предвозрождения (XIV—XV вв.), эпохи второго монументализма (XVI в.) и века перехода к литературе нового времени (XVII в.). Выделенной оказалась только проблема барокко. Почему? Это будет объяснено в соответствующих главах, но уже сейчас необходимо сказать, что, исследуя процесс, нельзя слепо следовать этому процессу и располагать весь материал в строго хронологическом порядке. Иногда корни нового явления уходят глубоко в прошлое, и тогда исследователь должен возвращаться назад. Гораздо чаще явление, ярко проявившееся в определенное время, в дальнейшем остается, как бы «застревает» в литературе и продолжает в ней жить и претерпевать различные изменения. Это связано с тем, что история культуры есть не только история изменений, но и история накопления ценностей, остающихся живыми и действенными элементами культуры в последующем развитии. Так, например, поэзия Пушкина — это не только явление той эпохи, в которую она создавалась, завершение прошлого, но и явление нашего времени, нашей культуры. То же мы можем сказать и о всех произведениях древней русской литературы — в той мере, в какой они читаются и участвуют в культурной жизни современности или являются следствием предшествующего развития. Явления культуры не имеют строгих хронологических границ.

Построение теоретической истории русской литературы требует усовершенствования самой методики исследования литературы как некоего макрообъекта. Выработка этой методики — дело будущего.

Для изучения макрообъектов в физике в последнее время создана статистическая физика. Как известно, Норберт Винер считал статистическую физику наиболее важной из наук, более важной даже, чем теория относительности или квантовая теория.

История литературы, которая должна описать эпохи и периоды, имеет дело с миллионами фактов и явлений. Она обращается не к микрообъектам, а к целым ансамблям микрообъектов. Изучение истории отдельных микрообъектов и макрообъектов — различно. Чтобы выяснить историю макрообъектов, надо пожертвовать детальностью информации об истории каждого объекта в отдельности. Подобно статистической физике, теоретическое, «статистическое литературоведение» будущего должно решать задачу макрохарактеристики, минуя слишком детальные описания. В теоретической истории литературы должна быть выработана методика «приближенных описаний».

Литература каждого периода — это система отдельных произведений с сильным взаимодействием традиции. Это делает изучение ее как целого особенно сложной.

Методика «статистического литературоведения» еще не создана (разумеется, «статистическое литературоведение» следует понимать не в примитивном смысле простого использования в литературоведении статистических сведений и приближенного вычисления), и поэтому в данной книге поневоле приходится иметь дело с весьма обобщенными явлениями: давать характеристику только самых крупных эпох в развитии русской литературы X—XVII вв.

Между древней русской литературой и новой существует решительное различие в темпах и типе развития.

Давно уже было обращено внимание на то, что средневековые литературы развиваются медленнее, чем литературы нового времени. Одна из причин состоит в том, что писатели и читатели не стремятся к новому как к таковому. Новое для них не является само по себе некоторой ценностью, как это типично для XIX и XX вв. Писатели и читатели нового времени ищут новизны — новизны идей, тем, способов выражения и т. д. Произведение новой литературы воспринимается его читателями во времени. Для читателя нового времени далеко не безразлично — когда создано произведение: в каком веке и в каком году, при каких обстоятельствах. Для читателя современной нам новой литературы ценность произведения возрастает, если оно появилось только что, является новинкой. Это отношение к новинкам поддерживается в новое время критикой, журналами и средствами современной быстрой информации, а также модой.

Если придерживаться распространенного деления эпох — на эпохи привычки и эпохи моды, то Древняя Русь безусловно принадлежит к эпохам привычки.

В самом деле, в средние века историческое отношение к литературе отсутствует: произведение существует само по себе, независимо от того, когда оно создано. Для средневекового читателя имеет по преимуществу значение, чему посвящено произведение и кем оно создано: какое положение занимал или занимает автор в первую очередь, насколько он авторитетен в церковном и государственном отношении. Поэтому все произведения располагаются как бы на одной плоскости — старые и новые. «Современная литература» для каждого времени в средние века — это то, что читается сейчас, старое и новое, переводное и оригинальное. Поэтому отправной точкой движения литературы вперед служат не только что появившиеся, «последние» произведения, а вся сумма литературных произведений, наличествующих в читательском обиходе. Литература не уходит вперед от самой себя — она растет, как растут плоды, питаясь соками всей уже существующей в читательском обиходе литературы. Новые редакции старых произведений участвуют в этом росте.

«Неподвижность» способов изображения соответствует вере в неподвижность и неизменяемость мира. Создание нового свидетельствовало бы о несовершенстве мира. Задача автора состоит в том, чтобы выявить в мире вечное, неизменяемое. В каузальных связях для средневекового автора просвечивает иной план, более глубокий и неизменяющийся. Художественный метод нового времени, при котором автор стремится к наглядности, конкретности и к индивидуальному, требует обновления художественных средств, их «индивидуализации». Абстрагирующий же метод средневековья, стремящийся извлечь общее, убрать индивидуальное и конкретное, не требует обновления и довольствуется общим, бывшим всегда.

Принято говорить, что средневековая литература традиционна. Под традиционностью подразумевают приверженность к старым формам и старым идеям. Но для средневековья, как я уже сказал, вообще не существует «старого» и «нового». Здесь дело в другом: в приверженности средневековой литературы к литературному этикету, к стремлению облекать содержание в приличествующие данному содержанию формы, своеобразная церемониальность литературы.

Вот почему в средние века движение вперед совершается в недрах каждого жанра в отдельности. Жанр житий развивается и вместе, и отдельно от жанра летописей, жанры ораторских произведений развиваются и вместе, и отдельно от житий и т. д. Поэтому одни жанры опережают развитие других, имеют в своем развитии индивидуальные отличия от других.

Все это необходимо учитывать при рассмотрении исторического значения тех или иных литературных эпох.

Своеобразны не только результаты развития, но и самые «законы развития», они также развиваются и меняются по мере изменения самой действительности. Нет «вечных» правил и законов, по которым развитие совершается.

Только изучая движение литературы, мы можем понять и ее национальное своеобразие.

Национальное своеобразие литературы состоит не только в неких постоянных признаках содержания и формы, отличающих ее от других национальных литератур, в неких неизменных идеях, настроениях, эмоциональном строе или моральных качествах, сопутствующих всем произведениям этой литературы.

Национальный характер — это и особенности исторического пути литературы, особенности ее развивающегося взаимоотношения с действительностью, особенности меняющегося положения литературы в обществе — ее общественной «позиции» и той роли, которую она играет в жизни общества. Следовательно, для определения национального своеобразия литературы важны не только постоянные, неизменяемые моменты, ее общая характеристика как единого целого, но и самый характер развития, характер отношений, в которые вступает литература, — не только черты, присущие литературе как таковой, но и положение ее в культуре страны, ее взаимоотношение со всеми другими сферами человеческой деятельности. Отличительные особенности исторического пути литературы многое объясняют в ее национальном своеобразии и сами являются частью этого своеобразия.

Итак, черты национального своеобразия следует искать в гораздо более широком плане, чем это принято.

Обычно черты национального своеобразия служат оценивающими и «взвешивающими» литературу моментами. Но, выявляя происхождение и объясняя черты своеобразий, мы не можем уже подвергать их отвлеченной оценке. Всякая черта имеет точный смысл в своем происхождении и в своей функции, а потому не может служить материалом для абстрактного, отвлеченного суждения о достоинстве литературы. Детерминированность этих черт исключает их из сферы общих оценок и отвлеченного морализирования. Конкретные научные оценки в истории литературы невозможны там, где недостаточно выявлены происхождение, обусловленность и функции фактов, их связь с остальным миром, где в той или иной мере предполагается индетерминированность, где факты абсо-

лютизируются и изымаются из исторического процесса и исторического объяснения.

Русская литература — часть русской истории. Она отражает русскую действительность, но и составляет одну из ее важнейших сторон. Без русской литературы невозможно представить себе русскую историю и, уж конечно, русскую культуру.

И вот на что следует при этом обратить особое внимание. Человеческая история едина. Путь каждого народа «в своем идеале» сходен с путями других народов. Он подчинен общим законам развития человеческого общества.

Историк культуры не может пройти мимо стройной и простой концепции закономерности развития мировой культуры, изложенной Н. И. Конрадом в его книге «Запад и Восток»¹ и в статье «Об эпохе Возрождения»². Согласно этой концепции, прочно связавшей развитие мировой культуры с учением о смене исторических формаций, народы, полностью прошедшие через этапы рабовладельческой формации и феодализма, имели культуру своей античности, относящуюся к рабовладельческому периоду, культуру своего средневековья, связанную с феодализмом, и эпоху Возрождения, возникшую с появлением в феодальную эпоху первых ростков капитализма. Появление культур античности, средневековья и Возрождения является, таким образом, не исторической случайностью, а исторической закономерностью, явлением «нормального» развития народов. Существенно, что каждый из этих этапов культурного развития имеет свои крупные культурные завоевания, и нет никаких оснований неравно расценивать их, принижать одни и выдвигать значение других. Отнесение тех или иных эпох к Возрождению не является актом их оценки.

Вот что, например, пишет Н. И. Конрад о культуре средневековья в Европе: «Марксистская историческая наука показывает, что переход от рабовладельческой формации к феодализму в то историческое время имел глубоко прогрессивное значение. Это обстоятельство заставляет отнести к „средним векам“ иначе, чем относились к ним гуманисты. Отношение это было, как известно, отрицательным. Гуманисты видели в средних веках „время тьмы и невежества“, из которого, как им казалось, могло вывести человечество обращение к лучезарной „древности“. Мы же не можем не видеть в наступлении „средних веков“ шаг вперед, а

¹ Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966. Изд. 2-е. М., 1972.

² Конрад Н. И. Об эпохе Возрождения // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967.

не назад. Парфенон, храмы Эллары и Аджанты — великие создания человеческого гения, но не менее великими созданиями человеческого гения являются и Миланский собор, Альгамбра, храм Хорюдзи в Японии»¹.

Идея наличия Возрождения в той или иной стране, в том или ином веке высказывалась в науке неоднократно. Писали о Возрождении в Грузии, Армении, Малой Азии, у южных и западных славян, у венгров и пр.² Принципиально важная сторона концепции Н. И. Конрада, почему-то не принимающаяся во внимание его критиками, состоит в том, что мировое Возрождение является лишь частью более широкой картины мирового исторического процесса, в которой занимают свое место мировая античность и мировое средневековье. Античность, средневековье и Возрождение являются единой цепью культурных типов, связанной не только со сменой формаций, но и с законами развития культуры, при которых Возрождение наступает как обращение к античности, перекидывая мост к древности через промежуточный культурный тип — средневековье.

Разумеется, далеко не все народы имели у себя каждый из трех этапов в развитии культуры. Не все народы прошли, например, через рабовладельческую формацию или через все этапы феодализма. Народами, которые полностью прошли через этапы рабовладельческого строя и феодализма, Н. И. Конрад считает греков, итальянцев, персов, индийцев, китайцев³. При этом Н. И. Конрад утверждает, что даже у этих народов культурные явления античности, средневековья и Возрождения имеют свои специфические черты в каждом отдельном случае. Говоря о китайском и среднеазиатском Возрождении, Н. И. Конрад подчеркивает: «Разумеется, ни в коем случае нельзя полностью отождествлять все эти явления. Если условно именовать их „возрождением“, то и „танское возрождение“, и „среднеазиатское возрождение“ имеют свои глубоко специфические черты, отличающие их друг от друга и каждое из них от „европейского возрождения“. Но вправе ли мы видеть только эти отличия, не обращая внимания на сходства, тем более что эти сходства лежат в историческом существе явлений?»⁴

¹ Конрад Н. И. Запад и Восток. Изд. 2-е. С. 84.

² Литература по различным «Возрождениям» на Востоке и в Европе довольно обширна и, в общем, хорошо известна. В основном она перечислена в статье Н. И. Конрада «Об эпохе Возрождения» (Запад и Восток, С. 240—242; Изд. 2-е. С. 208—209).

³ Конрад Н. И. Запад и Восток. С. 36. Изд. 2-е. С. 32.

⁴ Там же. С. 95. Изд. 2-е. С. 82.

Единство мирового развития культуры выражается, в частности, в том, что народы в случае пропуска у себя того или иного «закономерного» этапа развития культуры могут ускоренно проходить свое развитие, используя опыт соседних народов. При этом, как пишет Н. И. Конрад, имеет место «как бы „равнение“ отстающих (культур. — Д. Л.) на передовые, а не механическое перенесение общественных форм передового государства в отстающее»¹.

Н. И. Конрад поставил вопрос «о формах и уровнях эпохи Возрождения в отдельных странах»², о типологических сходствах и различных отдельных Возрождений, о положении каждого из Возрождений в мировом историческом процессе. Одна из самых важных задач этой книги — усиленная попытка ответить на этот вопрос для России, в которой Возрождение только готовилось, но в силу ряда обстоятельств не осуществилось, приобретя длительный и «разлитой» характер, перенеся часть из своих проблем в литературу нового времени — XVIII века в частности.

Итак, изучая и выявляя своеобразие русской литературы на всем пути ее развития, необходимо не только сравнивать ее с другими литературами, но и учитывать существование «нормального» исторического развития стран и народов.

Для характеристики эпохи имеет огромное значение характеристика господствующего в эту эпоху стиля. Я понимаю под господствующим стилем не только стиль языка, стиль в узколитературном или языковом смысле, но и стиль в широком искусствоведческом смысле этого слова. Когда мы говорим о «стиле эпохи», то понятие это включает в себя как входящее и подчиненное явление также и стиль литературный; литературный же стиль имеет не только в своем составе стиль языка литературы, но и весь стиль отражения мира: стиль описания человека, понимания его внутренних и внешних свойств, его поведения, стиль отношения к общественным явлениям — их видения и близкого этому видению отражения в литературе действительности, стиль понимания природы и отношения к природе.

Но характеристика стиля в широком смысле этого слова требует особых средств искусствоведческого описания, не вяжущихся с типом рассуждений и изложения, принятого в данной книге. Это особая задача. Попытки ее разрешения сделаны мною в другой

¹ Там же. С. 35. Изд. 2-е. С. 31.

² Конрад Н. И. Об эпохе Возрождения. С. 45.

кустве и литературе XVII в., однако направление барокко, может быть, самое важное на стадии перехода к литературе нового времени. Обращение к барокко заставило меня обсудить в самой краткой и предварительной форме характер развития стилей вообще. Из других явлений XVII в. я беру только одно — развитие личностного начала в литературе, — явление чрезвычайно важное в связи с проблемой «заторможенного Возрождения» — основного ключа к пониманию особенностей историко-литературного процесса Древней Руси.

Неудачей эпохи Возрождения в русской литературе не были сняты самые проблемы Возрождения. Они должны были быть все равно решены и решались в русской литературе — медленнее, но упорнее, мучительнее и потому в более острой форме, длительнее, а потому разнообразнее и глубже. Проблема Возрождения оказалась актуальной для русской литературы на протяжении нескольких веков, а тема ценности человеческой личности и гуманизма — темой типично национальной и общественно ценной для всего ее сложного и многотрудного пути.